

Н.Е. Никонова

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО И НЕМЕЦКИХ ХУДОЖНИКОВ-НАЗАРЕЙЦЕВ (ПУБЛИКАЦИЯ И НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ)¹

В работе заявлена актуальная проблема современной филологии – сохранение и научная регистрация литературных памятников. Впервые печатается и комментируется материал переписки В.А. Жуковского с художниками-назарейцами Ф. Овербеком и Э.Я. фон Штейнле, целостное определение получает характер взаимоотношений поэта с романтической школой европейской живописи.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, переписка, немецкие художники-назарейцы.

Василий Андреевич Жуковский широко известен в первую очередь как поэт и государственный деятель, во многом определявший русско-западноевропейский межкультурный трансфер в первой половине XIX в. Наследие Жуковского-живописца, творческие контакты с художниками остаются малоизученными. Одним из первых в отечественном искусствоведении на актуальность этой темы указал М.Я. Либман, обозначивший и некоторые ее аспекты [1. С. 204–209; 2. С. 311–312; 3. С. 85–91]. В немецкоязычном литературоведении намечена история вопроса о контактах Жуковского с немецкими художниками: описаны самые тесные творческие и личные отношения романтика с живописцами Г. фон Рейтерном и К.Д. Фридрихом, с К.Г. Карусом [4. С. 240–289].

Богатство наследия Жуковского-художника позволяет понять истинный масштаб его романтического мышления, в котором литература и живопись неотрывно дополняли друг друга. Представление о принципах системности и эволюции художественного видения поэта дают альбомы с рисунками, сделанными им преимущественно во время заграничных путешествий. Этот интереснейший травелог Жуковского начинается в 1821 г. Первое заграничное путешествие нашло непосредственное отражение в двух альбомах с зарисовками в контурной манере, пером, сделанными чуть более чем за 4 месяца. Жуковского привлекает ландшафт, он изображает виды Германии и Швейцарии с упоением, но одновременно со свойственной ему жадой познания. Характер Жуковского-читателя, его любознательность, последовательность и конструктивность отражаются и в рисунках. Поэт, как усердный ученик, изучает природу, пишет и переписывает одни и те же картины.

Жуковского привлекают типологически сходные природные виды, прежде всего горные ландшафты, долины, окруженные холмами, скалистые крутые склоны и пологие возвышенности, все разнообразие горного пейзажа можно найти в более чем двухстах пятидесяти рисунках, заключенных в двух альбомах [5]. Следующие по хронологии альбомы включают в себя впечатления Жуковского-художника от путешествий по Германии 1826–1827 гг. [6];

¹ Статья подготовлена при поддержке ФЦП № 4 2010-1.1-304-125.

виды Германии и Италии 1838 г. [7], поездки в Англию и Германию 1839 г. [8]. Зарисовки видов Баден-Бадена в конечном альбоме выполнены Жуковским в последние годы жизни, когда состояние здоровья и зрение поэта резко ухудшились, однако, видимо, живопись, как и литература, поддерживала в нем жизненные силы [9]. Практически все рисунки выполнены в контурной манере, карандашом или пером. Большую часть составляют изображения Германии, ставшей второй родиной поэта. Альбомы требуют специального изучения и заслуживают отдельного разговора. В рамках статьи описание этого материала должно наглядно свидетельствовать о серьезности и постоянстве занятий Жуковского-живописца.

В Европе, и в частности в Германии, Жуковский активно развивается именно как художник. Основной предмет его интереса в заграничных путешествиях составляют живопись, скульптура и архитектура старой и новой Европы. Об этом свидетельствуют дневниковые заметки поэта. В личных дневниках (1804–1846 гг.) в разных контекстах он упоминает более 80 немецких художников-современников, и тема «Жуковский и немецкие художники» заслуживает пристального внимания. Актуальным и мало освещенным комплексным вопросом здесь являются контакты Жуковского с первым в истории мировой живописи серьезным объединением художников – созданным в 1809 г. союзом немецких и австрийских романтиков, члены которого получили прозвище «назарейцы» не только из-за прически в духе Христа (или Дюрера). Назарей (назорей) – от еврейского слова назир («отделенный», «посвященный Богу») – человек, принявший обет, добровольно провозгласивший себя священником, при этом продолжающий жить в окружении людей. Упоминание о назареях содержится в отдельных частях Ветхого Завета, Новом Завете и у первых христиан. Назарейство предполагало, прежде всего, гармоничное сосуществование в рамках единой общины. Немецкие художники организовали в Риме подобную общину и провозгласили в качестве основы творчества искреннее религиозное чувство и внутренний мир личности.

Центральными фигурами среди назарейцев были И.Ф. Овербек (1789–1869) и Ф. Пфорт (1788–1812), основавшие в Риме общество под названием «Lukasbund». Позднее к ним присоединились П. Корнелиус, Ф. Фейт, В. фон Шадов и др. Вернувшись в Германию, они в разное время заняли высокие должности в художественных академиях и оказали непосредственное влияние на судьбы европейской живописи. Представители «Союза св. Луки», вдохновленные мечтой о духовно богатом и значимом искусстве, синтезировали эстетику немецкой и итальянской традиций. Рафаэль и Дюрер явились центральными ориентирами этой новой школы.

По верному замечанию Р. Джулиани, «образованным русским, современникам художников-назарейцев было о них хорошо известно» [10. С. 43]. Многие путешественники, такие как К.Н. Батюшков и Ал.И. Тургенев, С. Гальберг и Ф. Бруни, Ал. Иванов и др., посещали их мастерские в Риме и оставили подробные записи о своих впечатлениях. Однако самым восторженным русским поклонником назарейцев был Жуковский. Вероятнее всего, от него Гоголь, впитавший позже идеи «Союза св. Луки», узнал об идеях религиозной живописи еще до своего приезда в Рим [10. С. 43–50].

Одно из первых свидетельств знакомства поэта с наследием назарейского движения относится к 1821 г. Дневниковая заметка от 28 сентября гласит: «Картина Овербека: Мария, Марфа и Христос» [11. Т. 13. С. 225]. Почти дословно ее повторяет запись от 29 мая 1826 г.: «Овербекова картина» [11. Т. 13. С. 248]. Наконец, 27 (8) августа 1832 г. Жуковский записывает: «Овербеков *Иосиф*, Кохов *вид Мейрингена*, Корнелиусов *Иосиф, прощающий братьев*, Фейтовы *7 тучных лет*, Овербековы *7 голодных лет*» [11. Т. 13. С. 328]. При этом живопись Овербека Жуковский оценивает выше других работ назарейцев: «Овербек мне глубоко по сердцу»; «*Gemütlichkeit* <добродушие (нем.) – Н.Н.> и чистота – характер Овербека. Суровость и строгость композиции – отличие Корнелиуса; третий живописец Фейт» [11. Т. 13. С. 375].

Жуковский в разное время лично познакомился с авторами этих полотен. Они предоставляли работы для его коллекции (Ф. Пфорт, П. Корнелиус, В. Шадов, А. Кох, Ф. Катель, Ф. Фейт и др.) и посылали ему свои литературные труды. В личной библиотеке поэта сохранились брошюры Ф.-В. Шадова, Г.-А. Кестнера, К. Шнаазе с автографами авторов. Идеи религиозного искусства с особой силой выражены в речи Ф.-В. Шадова «О влиянии христианства на изобразительное искусство» («Über den Einfluss des Christenthums auf die bildende Kunst. Vorlesung von W. Schadow. Düsseldorf, 1842»), сохранившейся в его библиотеке с типичной дарственной надписью: «Его Превосходительству Господину Государственному советнику Жуковскому с глубочайшим уважением от автора». Сходные идеи о высокой примиряющей роли живописи развивает в своей книжке Кестнер, отвечая на вопрос, кому принадлежит искусство – ученому, философу или художнику [12]. Его посвящение на обложке гласит: «Господину фон Жуковскому с глубоким почтением передает автор. Рим, 25 мая 1833 г.».

Эстетический манифест назарейцев и в то же время творческое кредо Овербека – его полотно «Триумф религии в искусствах» (1831–1840, Штеделевский институт, Франкфурт-на-Майне) – попало в коллекцию русского императорского двора благодаря Жуковскому. Он лично договорился с художником об изготовлении копии с его картины, которая в настоящее время хранится в Эрмитаже. Интересные подробности этой сделки мы обнаружили в неопубликованном до сегодняшнего дня письме Овербека к русскому поэту, автограф которого хранится в собрании рукописей библиотеки университета им. И.В. Гете во Франкфурте-на-Майне:

Eure Excellenz

Haben mich aufgefordert, Ihnen den Preis anzuzeigen, für den ich die Allegorie auf die christliche Kunst, die ich für das Kunst-Institut in Frankfurt a/m als großes Gemälde ausführe, in demjenigen Maasstab und in derjenigen Art und Weise, die Sie mir mündlich bezeichnet haben, für Se K. Hoheit den Großfürsten Thronfolger auszuführen im Stande wäre.

Da mich der Reichthum des Gegenstandes und seine eigenthümlichen mannigfaltigen Schwierigkeiten nöthigen, die bedeutende Summe von 400 Louisdor oder in Franken übertragen von – 9565 fr. dafür zu begehren, so ersuche ich Ew. Excellenz, Se K. Hoheit auf diese eigenthümlichen Schwierigkeiten der vorliegenden Aufgabe aufmerksam machen zu wollen, um dadurch den Schein der Unbescheidenheit zu beseitigen.

In dem ich Ew. Excellenz ersuche, mich über die Entscheidung Sr. K. Hoheit gütig in Kenntnis folgen zu wollen, habe ich die Ehre zu verfassen.

Eu. Excellenz
Unterthänigster
Friedr. Overbeck

Now. d. 12ten
1839 [13. Bl. 1–2]

Перевод:

Ваше Превосходительство

настоятельно просили указать Вам цену, за которую я мог бы написать ту аллегория христианского искусства, что я выполнил для Института искусств во Франкфурте в виде большого полотна, в том масштабе и том виде, о котором Вы говорили мне в беседе, для Его Императорского Высочества наследника престола.

Богатство предмета и его своеобразные трудности заставляют меня определить на выполнение значительную сумму в 400 луидоров, или в пересчете на франки – 9565 фр., итак, я обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой обратить внимание Его Императорского Высочества на эти своеобразные трудности предстоящего задания, тем самым, не желая показаться нескромным.

Прошу Ваше Превосходительство сообщить мне о благосклонном решении Его Императорского Высочества, это честь для меня

Вашему Превосходительству
преданный слуга
Фридр. Овербек

12 ноября
1839

Из дневника Жуковского известен его восторженный отзыв об этой работе Овербека, запись от 9 (21) мая 1833 г. гласит:

«Поутру завтракали у Бунзена и вместе с ним к Овербеку. Лицо христианского живописца. Его несравненная картина История христианского искусства. Две сцены: одна на облаках, другая на земле. Богородица, пишущая на хартии: *душа моя да хвалит Господа*, с Младенцем Спасителем на руках. Около них святые покровители искусства: Давид с псалтирию, Соломон с барельефом храма св. Лука, пишущий Марию, и Иоанн-евангелист с чертёжом града Господня; с обеих сторон святые мужи и угодники; коих изображения кисти художественной. Внизу самое искусство: около водоема, наполняемого живою водою природы, в коем отражаются небеса, стоят те, кои более имели целию изображать живо материальное и блистать красками; в отдалении от них те, кои выражали чище и простее святое, слушают вдохновенного Данта. Рафаэль между обеими толпами один смотрит вдохновенно на небо. На первом плане группы, занимающиеся рассматриванием древних барельефов (начало живописи и архитектуры), тут же и покровители искусства христианского: с одной стороны Карл Великий, с другой Григорий Великий (григорианское пение). Микель Анж сидит в размышлении, не принадлежа никому; Жиотто, Чимабуе, Фьезоле, Мазаччио, Альбрехт Дюрер и немецкие живописцы. Все в этой картине прекрасно, особенно мысль, расположение и рисунок напоминает Рафаэля и католиков живописцев. У Овербека пробыл довольно долго» [11. Т. 13. С. 376].

Младшим и последним из самых ярких воспитанников группы Овербека стал Эдвард Якоб фон Штейнле (Edward Jacob von Steinle, 1810–1886). Штейнле обучался в Академии изобразительных искусств в Вене, в 1828 г. отправился в Рим, где присоединился к Ф. Овербеку и Ф. Фейту и оставался с ними до 1834 г. Вернувшись на родину, он жил в основном в Мюнхене и Франкфурте, изучал технику фрески у П. Корнелиуса, в 1850 г. стал первым профессором в Штеделевском Институте изобразительных искусств. В то же время он активно работал в соборах Германии. Фресками и полотнами Штейнле украшены знаменитые соборы в Кельне, Франкфурте, Мюнстере, Аахене, Страсбурге и других городах. Сегодня можно увидеть его знамени-

тые фрески на лестнице музея в Кельне и запрестольные образы в рейнских церквях, отличающиеся монументальностью, чистотой стиля и возвышенного настроения.

В историю живописи он вошел как «рисовальщик мадонн» [14] и талантливый портретист, однако альтернативное направление его деятельности было связано с художественной литературой немецкого романтизма. Штейнле поддерживал тесные дружеские отношения с К. Brentano, сказки и стихотворения которого охотно иллюстрировал. Brentano и Штейнле связали четыре проекта: через два года после смерти Brentano, в 1846 г., вышел сборник его «Рейнских сказок» с иллюстрациями Штейнле [15]; через два года после смерти Штейнле, в 1888 г., с его рисунками был переиздан рассказ Brentano «Хроника странствующего школяра» [16]. В 1909 г. благодаря сыну Штейнле вышла оригинальная книга «Стихотворения и картины», объединившая на равных правах романтические тексты Brentano и жанровые рисунки Штейнле [17]. И, наконец, в 1912 г. сын художника Альфонс М. фон Штейнле переиздал лиро-эпос К. Brentano «Баллады о венке из роз» с иллюстрациями отца [18]. Сотрудничество двух романтиков было публичным, и о нем было хорошо известно современникам. Об этих интересных совместных проектах, объединивших романтическую литературу и живопись, не мог не знать Жуковский, который следил за творчеством немецкого поэта и, по указаниям исследователей, был лично с ним знаком. В.М. Жирмунский [19. С. 38] и еще ранее А.Н. Веселовский [20. С. 22] отмечают факт личного знакомства Жуковского с Brentano. Вероятно, этот род деятельности Штейнле определил и сюжет взаимоотношений с ним Жуковского.

Жуковский, бывший на 27 лет старше Штейнле, познакомился с ним 10 мая 1833 г. на обеде у немецкого ученого и дипломата Х.К. фон Бунзена (1791–1860), через день после личного знакомства с Овербеком. На следующий день он посетил мастерскую художника, о чем свидетельствуют следующие строки из дневника поэта: «У живописца Штейнли. Снятие со креста, рисунки, между коими особенно замечателен рисунок семи милосердий христианских. Везде ясная мысль, чистое чувство и удовлетворительное исполнение, чего нет в наших (исключая Брюлова), кои механически составляют из выученного в Академии картины и массы без мысли и жизни, успевая только, может быть, в колорите» [11. Т. 13. С. 377]. С этих пор началась дружба Жуковского и Штейнле. Следующее неоспоримое свидетельство их встреч относится к 1849 г., периоду, когда Жуковский женился и поселился в Германии. Художник довольно неприужденно сообщает в письме к своему другу советнику Шлоссеру 24 сентября 1849 г.: «Joukowsky, von Warschau kommend, war heute bei mir und wird in diesem Augenblicke schon in Baden sein» [21. S. 453]. Перевод: Жуковский, на пути из Варшавы, был сегодня у меня, а в настоящий момент он, должно быть, уже в Бадене <...>.

Из документальных свидетельств дальнейших контактов Жуковского и Штейнле сохранились три письма Жуковского на французском языке, которые до настоящего времени были неизвестны. Послания представляют новый сюжет из истории взаимных связей с немецкими друзьями-

художниками, а также открывают важный и интересный материал из жизни русского поэта.

Далее мы впервые приводим тексты писем Жуковского по рукописям, с переводом, описанием автографов и с комментариями. Письма печатаются в хронологическом порядке, с сохранением характерных особенностей орфографии и синтаксиса подлинника XIX в. Слова, подчеркнутые или выделенные курсивом, даются в той же графике, без специальной оговорки. Расшифровка и перевод с французского языка выполнены совместно с О.А. Ильиной. Комментарий к тексту помещается непосредственно после текста каждого из писем.

1.

29 октября 1849 г., Баден-Баден

Cher et respectable M. Scheinle

J'ai reçu votre aimable lettre et je me hâte de vous remercier pour la réponse catégorique que vous avez eu la bonté de me faire. Sur son objet nous parlerons de vive voix lorsque je serai moi-même à Francfort ce qui aura lieu probablement bientôt, aussitôt que le général Radowitz¹ y arrivera.

Ci-joints avec reconnaissance les 10 louis pour le charmant dessin a qui a enchanté. Nous saluons tous avec amitié, vous et votre respectable épouse. Recevez les assurances de mon respectables attachements.

Tout à vous
Joukovsky

le 29 Octobre 1849
Bade-Bade

Перевод:

Дорогой и уважаемый Г<осподин> Штейнле

Я получил ваше любезное письмо и спешу поблагодарить вас за определенный ответ, который вы мне любезно передали. Об этом деле мы поговорим лично, когда я сам буду во Франкфурте, что случится, вероятно, в скором времени, как только генерал Радовиц¹ прибудет туда.

При сём прилагаю с благодарностью 10 луидоров за прелестный рисунок, который очаровал мою жену. Мы всем дружественно кланяемся, вам и вашей уважаемой супруге. Примите заверения в моей искренней преданности.

Ваш
Жуковский

29 октября 1849
Баден

Автограф: Государственная библиотека Баварии в г. Мюнхене. Штейнлеана II (Bayerische Staatsbibliothek <München>. Steinleana II). Л. 1. На двойном листе бумаги, свернутом в конверт с адресом «À Monsieur Monsieur Steinle Honorable peintre à Francfort S/M Städel'sche-Institut (Господину Штейнле Почтенному художнику Франкфурт-на-Майне Штеделский институт). Весь текст – рукой Жуковского, чернилами.

¹ Радовиц Йозеф фон (1793–1853) – прусский государственный деятель и публицист, с которым Жуковский был дружен. В брошюре Жуковского о генерале Радовице (Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde sehen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Karlsruhe, 1850), который был активным сторонником объединения раздробленной Германии в единое государство под гегемонией Пруссии, открыто выражались взгляды автора, разделявшего воззрения своего друга и видевшего единственный путь к восстановлению нарушенного революцией политического порядка в укреплении монархической власти.

2.

5 января 1851 г., Баден-Баден

Le 5 janvier
1851

Je m'adresse à vous, cher ami, avec une prière urgente. Vous savez que ma belle-sœur Lotti se marie. Je désire lui faire un cadeau convenable. Pour cela j'ai choisi cette nouvelle Bible qui vient de paraître chez Cotta, ornée de beaucoup de gravures sur bois. Je voudrais ajouter à ces gravures un dessin de vous, qui servirait de frontispice à la Bible et en même temps à la nouvelle carrière qui s'ouvre devant ma belle-sœur. La vie et surtout la vie domestique qui est le noyau de celle du genre humain ne doit être autre chose que la parole du Dieu dans les actes de l'Homme. Voilà le sujet pour votre dessin. J'ajoute que je donne la Bible en question pour qu'elle soit dans la nouvelle famille, qui va commencer, comme le grand livre de la vie: on inscrira sur les marges mêmes les dates de tous les événements principaux: les dates des naissances, des mariages, des baptêmes, des morts et de quelques autres faits décisifs de la vie domestique. De cette manière la Bible faisant toujours aux ainsi de la famille, service pour plusieurs générations de chaîne de réunion. Votre dessin pourrait indiquer tout cela. La grandeur du dessin est déterminée par le format de la Bible. Il doit même être plus petit parce que l'exemplaire est relié et coupé sur marges. Je m'adresse à vous un peu tard; le mariage se fera probablement dans deux semaines, peut-être même plus tôt. Mais je ne désespère pas d'avoir encore votre dessin à temps: vous dessinez avec une vitesse énorme. Il ne s'agit pas ici d'avoir un dessin *Ausgeführt*, il faut seulement qu'il soit de vous: coloré légèrement cela suffit. Cela sera une prophétie en image, un sermon pittoresque qui réunira votre souvenir au mien et à tous les miens dans la destinée particulière de Lotti. Mettez-vous donc vite au travail; et pour être plus encouragé, recevez mes vœux pour vous et pour votre famille à l'occasion de l'apparition de la nouvelle année à laquelle je souhaite plus de bonheur que n'en a eu sa maman qui est entrée folle et morte bête. Adieu.

Tout à vous
Joukovsky.

Перевод:

5 января
1851

Я обращаюсь к вам, дорогой друг, с настоятельной просьбой. Вы знаете, что моя свояченица Лотти¹ выходит замуж. Я желаю преподнести ей соответствующий подарок. Для этого я выбрал ту новую Библию, которая только что появилась у Готта, украшенная большим количеством вырезанных по дереву гравюр². Я хотел бы добавить к этим гравюрам какой-нибудь рисунок от вас, он мог бы служить фронтисписом к Библии и в то же время к новому жизненному поприщу, которое открывается перед моей свояченицей. Жизнь и особенно семейная жизнь, которая является стержнем жизни рода человеческого, не должна быть ничем другим, кроме как словом Божиим в поступках Человека. Вот сюжет для вашего рисунка. Добавлю, что преподношу вышеупомянутую Библию, чтобы она осталась в новой семье, которая скоро появится, как великая книга жизни: на полях ее будут написаны даты всех основных событий: даты рождений, свадеб, крещений, смертей и других решающих фактов семейной жизни. Таким образом, Библия всегда будет помогать семье, послужит для многих поколений объединяющей цепью. Ваш рисунок мог бы ясно всё это обозначить. Величина рисунка обуславливается размером Библии. Он должен быть даже меньше, потому что экземпляр скреплен и обрезан по краям. Я обращаюсь к вам с небольшим опозданием; свадьба состоится, вероятно, через две недели, а может, и еще раньше. Однако я не теряю надежды получить ваш рисунок вовремя: вы рисуете с огромной скоростью. Речь не идёт о том, чтобы это был рисунок *Ausgeführt*³, нужно только чтобы он был от вас: слегка раскрашен, этого достаточно. Это будет пророчество в изображении, живописное поучение, которое соединит вашу память с моей и со всеми моими родными в личной судьбе Лотти. Принимайтесь же быстрее за работу; и для бодрости примите мои наилучшие пожелания вам и вашей семье по случаю рождения нового года, в котором я желаю вам больше счастья, чем было в том, от которого он родился, тот год был сумасшедшим и в муках скончался. Прощайте.

Ваш
Жуковский.

Автограф: Государственная библиотека Баварии в г. Мюнхене. Штейнлеана II (Bayerische Staatsbibliothek <München>. Steinleana II). Л. 3–3 об. На двойном листе бумаги, свернутом в конверт с адресом «À Monsieur le professeur de Peinture Steinle à Francfort S\M.» (Господину профессору изобразительных искусств Штейнле Франкфурт-на-Майне). Весь текст чернилами, рукой Жуковского.

¹ Рейтерн Шарлотта (Лотта) фон (в замуж. фон Вульф, 1827–1904) – младшая дочь Герхарда Рейтерна, любимая свояченица и крестница Жуковского.

² Имеется в виду издательство Георга Котта, находившееся в собственности семьи в 1659–1889 гг. Сегодня оно известно под названием «Клэрт-Котта». Предыстория проекта тесно связана с назарейцами и, в частности, с идеей Ф. Овербека, высказанной им еще в 1811 г., по созданию цикла иллюстраций к сценам из Нового Завета для использования их в школах в качестве основного дидактического материала при изучении Библии. В 1819 г. издательство Котта выступило с инициативой по воплощению этого замысла. В 1821 г. назарейцы организовали конкурс, в рамках которого художники должны были ежемесячно представлять три-четыре зарисовки, лучшие из которых отбирались для будущего издания Библии в картинах. Этот «ранний этап» работы над иллюстрированием канонического текста не нашел целостной реализации. Однако один из участников проекта, назарец Ю.Ф.Г. Шнорр фон Карольсфельд (1794–1872), продолжил начатые труды и с 1843 г. тесно сотрудничал с издательским домом Котта. Результатом явилось издание 1850 г., о котором, очевидно, и пишет В.А. Жуковский. 42 вырезанные вручную гравюры для Библии Котта стали основой для будущей «Библии в картинках», вместившей в себя 180 работ к Ветхому Завету и 80 иллюстраций к Новому Завету (Die Bibel in Bildern von Julius Schnorr von Carolsfeld. Pracht-Ausgabe, Leipzig: Wigand 1860). Эта Библия снискала мировую известность и неоднократно переиздавалась впоследствии. Последнее издание датируется 1990 г. (Die Bibel in Bildern: mit Bibeltexten nach Martin Luthers deutscher Übersetzung. 240 Darstellungen erfunden und auf Holz gezeichnet von Julius Schnorr von Carolsfeld. Neuhausen-Stuttgart: Hänssler, 1990).

³ Выполненный полностью (нем.).

3.

(24 января 1851 г., Баден-Баден)

Cher ami,

Je n'ai pu répondre à votre lettre qui m'annonçait le malheur par lequel Dieu a voulu vous éprouver – on se tait devant de telles douleurs; qui peut ici offrir quelque consolation humaine? Vous connaissez mieux que personne, la source d'où les vraies consolations découlent et vous savez la trouver. Je n'ai ici à dire: que Dieu vous aide et je le dis avec la plus sincère participation dans votre douleur, sentiment que toute ma famille partage profondément.

Je profite du départ de notre vénérable Wehner (qui a beni (hier le 23 J) l'union de ma belle sœur avec Wulf) pour vous rappeler ma dernière prière. Comme à présent le travail ne presse pas et qu'il se passera assez de temps pour présenter mon cadeau, cela sera peut-être possible pour vous de faire le dessin en question. Le pasteur Wehner a bien voulu se charger de faire relier la Bible en question à Francfort S/M. Il vous donnera tous les détails concernant cet objet, si vous voudrez vous charger de l'exécution de ma prière.

Adieu, cher ami, que Dieu vous soutienne: il vous a laissé encore beaucoup de trésors dans le reste de votre famille – et celui qui est parti est chez lui. Votre art même est une source de consolation pour vous: il sert de commentaire à la parole de Dieu et la fait entrer par la vue dans le cœur. C'est une belle vocation.

Tout à vous
Joukovsky.

24 Janvier

Перевод:

Дорогой друг,

Я не смог ответить на ваше письмо, где Вы сообщили мне о несчастье, которым Бог решил испытать вас¹ – перед такой скорбью молчат; кто сможет предложить здесь хоть какое-то человеческое утешение? Вы лучше, чем кто-либо, знаете тот источник, откуда проистекают истинные утешения, и вы умеете его найти. Мне здесь нечего сказать: да поможет вам Бог, я говорю вам это с самым искренним участием в вашем горе, это чувство искренне разделяет вся моя семья.

Пользуюсь отъездом нашего почтенного Венера² (который благословил (вчера, 23 янв.) союз моей свояченицы с Вульфом³), чтобы напомнить вам о моей последней просьбе. Так как в настоящее время работа меня не отвлекает и пройдет достаточно времени, пока я представлю свой подарок, возможно, для вас будет возможно сделать тот самый рисунок. Пастырь Венер очень хотел взять заботу на себя и переплести эту Библию во Франкфурте-на-Майне. Он вам сообщит все подробности, касающиеся этого предмета, если вы захотите взяться за исполнение этой моей просьбы.

Прощайте, дорогой друг, пусть Бог поддержит вас: он вам оставил еще множество сокровищ в семье⁴ – а тот, что ушел, – сейчас с ним. Самое ваше искусство – это источник утешения для вас: оно служит толкованием слова Божия и проводит их сквозь зрение к сердцу. Это чудесное призвание.

Ваш
Жуковский

24 января

Автограф: Государственная библиотека Баварии в г. Мюнхене. Штейнлеана II (Bayerische Staatsbibliothek <München>. Steinleana II). Л. 4–5. На двойном листе бумаги. Чернилами, рукой Жуковского. Датировка письма 1851 г. следует из контекста переписки.

¹ Имеется в виду, очевидно, смерть одного из детей Э. фон Штейнле.

² Очевидно, католический священник в одной из церквей Баден-Бадена. Более подробной информации о его личности в известном на сегодня наследии Жуковского нами не обнаружено.

³ Вульф-Адзель, Юлиус фон (Wulf-Adsel, Julius von) – лифляндский барон.

⁴ Штейнле с 1834 г. состоял в счастливом браке с Каролиной Керн (1813 г.р.), от которого имел восемь дочерей и двоих сыновей. Благодаря стараниям младшего сына Альфонса М. фон Штейнле, его издательским проектам и публикациям, о картинах Эдварда фон Штейнле известно больше, чем о наследии какого-либо другого немецкого художника XIX в.

Итак, письма В.А. Жуковского к Э.Я. фон Штейнле открывают новые факты из жизни и творчества поэта в последние годы его заграничной жизни; уточняют данные о его контактах с немецкими друзьями. В частности, становится очевидным, что русского поэта и немецкого художника связывали совместные творческие проекты. Так, Жуковский обращается к самому юному из представителей религиозно-христианского романтического течения назарейцев с просьбой сделать главную зарисовку к первой иллюстрированной Библии, позволяет понять, насколько высоко он ценил талант фон Штейнле. Выявленный сегмент эпистолярия в очередной раз свидетельствует о том, что высокообразованная, просвещенная Германия в лице ее лучших представителей – немецких романтиков, художников и писателей, идеи и достижения которых Жуковский в первой половине своего творческого пути стремился донести до российского заинтересованного читателя, приняла русского поэта как единомышленника.

Штейнле, работавший в духе живописи мысли, которая рассказывает истории, воплощает назидание, побуждает к самосовершенствованию, стал одним из последних представителей консервативного исторического направления в европейском искусстве. Глубинное сходство художественного видения немецкого художника и русского поэта заключается в парадоксальности творческой манеры. Романтизм в картинах Штейнле, как и «поэзия мысли» зрелого Жуковского, зиждется на верности незыблемой традиции, вечным сюжетам и классическим формам. Как известно, на смену такому художественному мировоззрению в европейское искусство последней трети XIX в. придет «современное» направление, сконцентрированное на впечатлении, но не на содержании, на очаровании форм и красок самих по себе.

Идеи назарейцев не могли не тронуть Жуковского. Глубокое религиозное чувство, самосовершенствование личности, своего рода консерватизм (ориентация на классиков живописи) и всеобъемлющий универсализм, воплощенные в конкретных и осязаемых образах и провозглашенные в теоретических работах и полотнах мастеров этой школы, естественно импонировали художественному мировоззрению русского романтика. Внутренне близкой Жуковскому-педагогу, очевидно, была и глубинная идея о морально-назидательной, воспитательной роли изобразительного искусства [22].

«Европейский след» Жуковского – неопубликованные письма, немецкие и русские автопереводы и стихотворения – нуждается в специальном

изучении не только потому, что этот новый материал открывает сущность и значение его личности художника, его талант культурного посредника. Богатое наследие поэта в Германии, Италии, Франции и других странах является важнейшим фактом интенсивного русско-немецкого культурного трансфера, инициированного «германофильством» Жуковского в начале XIX в.

Литература

1. Liebmann M.J. Shukowski als Zeichner. Neues zur Frage "C.D. Friedrich und W.A. Shukowski" // Caspar David Friedrich. Leben. Werk. Diskussion. Berlin, 1977.
2. Либман М.Я. Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980.
3. Либман М.Я. Три портрета В.А. Жуковского работы Герхарда фон Рейтерна // Россия – Германия: Контакты и взаимовлияния. XVIII–XX века. М., 1994.
4. Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849. Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2000.
5. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Оп. 2. № 54. Альбом путешествия 1821 г. с зарисовками видов Германии и Швейцарии. С обозначением даты и места. В контурной манере, пером. В переплете. 5 июня – 31 октября 1821 г. 86 + 83. Альбом черный, в кожаном переплете.
6. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Оп. 2. № 55. Альбом путешествия 1821 г. с зарисовками видов Германии и Швейцарии. Большею частью с обозначением даты и места. В контурной манере, пером. В переплете. 5 июня – 31 октября 1821 г. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Оп. 2. № 56. Альбом путешествия 1826–1827 гг. с зарисовками видов Германии, Франции, Бельгии. Частично с обозначением даты и места. В контурной манере, пером и карандашом. На л. 25 об. и л. 50 записи Жуковского. В переплете.
7. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Оп. 2. № 58. Альбом путешествия 1838 г. с зарисовками видов Германии и Италии. Частично с обозначением даты и места. В контурной манере, карандашом. Сентябрь – декабрь 1838.
8. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Оп. 2. № 62. Зарисовки видов Германии и Италии во время путешествия 1838 г. Портреты членов семьи Рейтерн и другие зарисовки 1840–1842 гг. Большая часть с обозначением даты и места. В контурной манере, карандашом.
9. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Оп. 2. № 61. Альбом путешествия 1839 г. с портретными зарисовками и видами России (Кронштадт, Петербург, Москва, Муратово), Англии и Германии. С обозначением даты и места. В контурной манере, карандашом. Май – октябрь 1839 г. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Оп. 2. № 67. Альбом 1851–1852 гг. с видами Германии и другими зарисовками. С обозначением даты и места. В контурной манере, карандашом.
10. Джэулиани Р. Рим в творчестве Гоголя, или Потерянный рай. М., 2009.
11. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2004.
12. Kestner G.A. Abhandlung über die Frage: Wem gehört die Kunst? Berlin, 1830.
13. Отдел рукописей библиотеки университета им. И.-В. Гете в г. Франкфурте-на-Майне. Собрание автографов И.К. Зенкенберга. Фонд Фридриха Овербека, № 2223/23. Л. 1–1 об.
14. Wurzbach C. von. Ein Madonnen-Maler unserer Zeit (Eduard Steinle): Biographische Studie. Wien : Manz, 1879.
15. Brentano C. Rheinmärchen. Mit Ill. von Edward von Steinle. Frankfurt am Main : Insel-Verl., 1985.
16. Brentano C. Die Chronik des fahrenden Schülers: erstlich beschrieben / [Hrsg.: Wilhelm Kreiten. Ill.: Edward Jakob von Steinle]. München : Huttler, 1888.
17. Brentano C., Steinle E., von. Dichtungen und Bilder. Hrsg. von Alexander von Bernus u. Alfons M. von Steinle. Kösel, [1909].
18. Brentano C. Romanzen vom Rosenkranz: mit vier Beilagen in Kunstdruck / Unter erstmaliger Benutzung des gesamten handschriftlichen Materials hrsg. und eingel. von Alfons M. von Steinle. Trier: Petrus-Verlag, 1912.

19. Жирмунский В.М. В. Гете в русской литературе. Л., 1937.
20. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918.
21. Edward von Steinle's Briefwechsel mit seinen Freunden. Herausgegeben und durch ein Lebensbild eingeleitet von Alphons Maria von Steinle. In zwei Bänden. Erster Band. neun Lichtdrucken. Freiburg im Breisgau. Herder'sche Verlagshandlung, 1897. Zweigniederlassungen in Wien, Strassburg, München und St. Lois.
22. Jansen G. Die Nazarenerbewegung im Kontext der katholischen Restauration : die Beziehung Clemens Brentano – Edward von Steinle als Grundlage einer religionspädagogischen Kunstkonzeption. Essen: Verl. Die Blaue Eule, 1992.